

Ж. Турганбаева* , **Н. Сейтахметова**

Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК,
Алматы, Казахстан

*e-mail: zhanara0890@mail.ru

ИСЛАМСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КАЗАХСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В настоящей статье рассматривается значение исламской идентичности как одного из элементов, определяющих развитие общественного сознания и формирование образа будущего казахстанского общества. Целью статьи выступает исследование аксиологического наполнения исламской идентичности на предмет его влияния на формирование взглядов и ценностей в современном казахстанском обществе. Научная значимость работы заключается в актуализации особенностей формирования исламской идентичности в условиях тюркского культурно-коммуникативного пространства, историко-культурного контекста исламского возрождения в стране, а также особенностей формирующегося в исламском интеллектуализме дискурса де-вестернизации. Практическая значимость разработки жизнеспособной модели исламской идентичности в казахстанском обществе объясняется важностью результатов исследования для развития отечественного гуманитарного дискурса, а также для разработки концепции духовной безопасности. В исследовании были применены общеполитические методы, а также метод исторической реконструкции. Авторы приходят к выводу, что исторически и культурно обусловленный синкретичный характер казахстанской модели исламской идентичности отвечает потребностям толерантного сосуществования многообразных этноконфессиональных групп в стране. К основным выводам проведенного исследования также относится понимание казахстанской исламской идентичности как сочетания духовной роли ислама и его политической нейтральности, что обусловлено светским устройством и многонациональным характером общества. Ценность проведенного исследования заключается в выработке по результатам исследования ряда практических рекомендаций, касающихся значения ислама в укреплении этноконфессионального согласия, социальной сплоченности, консолидации общества и сохранении культурного многообразия, что и составляет практическое значение итогов работы.

Ключевые слова: исламская идентичность в Казахстане, исламское возрождение, суфизм в Казахстане, образ будущего общества, теория де-вестернизации.

Zh. Turganbayeva*, N. Seitakhmetova

Institute of Philosophy, Political Science and Religious Studies CS MSHE of the RK,
Almaty, Kazakhstan

*e-mail: zhanara0890@mail.ru

Islamic identity in Kazakhstani society: cultural contexts of historical continuity

The present article examines the importance of Islamic identity as one of the elements determining the development of public consciousness and the formation of the image of the future of Kazakhstani society. The article aims to study the axiological content of Islamic identity for its influence on the formation of views and values in modern Kazakhstani society. The scientific significance of the work lies in updating the features of the formation of Islamic identity in the context of the Turkic cultural and communicative space, the historical and cultural context of the Islamic revival in the country, as well as the characteristics of the discourse of de-Westernization emerging in Islamic intellectualism. The practical significance of developing a viable model of Islamic identity in Kazakhstani society is explained by the importance of the research results for the development of domestic humanitarian discourse, as well as for the development of the concept of spiritual security. The study applied general philosophical methods, as well as the method of historical reconstruction. The authors conclude that the historically and culturally conditioned syncretic nature of the Kazakhstani model of Islamic identity meets the needs of tolerant coexistence of diverse ethnoconfessional groups in the country. The key findings of the study also include an understanding of Kazakhstan's Islamic identity as a combination of Islam's spiritual role and

value lies in the development of a number of practical recommendations regarding the role of Islam in strengthening ethnic and religious harmony, social cohesion, societal consolidation, and the preservation of cultural diversity, which constitutes the practical significance of the findings.

Keywords: Islamic identity in Kazakhstan, Islamic revival, Sufism in Kazakhstan, vision of future society, theory of de-Westernization.

Ж. Турганбаева*, Н. Сейтахметова

ҚР ҒЖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты,
Алматы, Қазақстан

*e-mail: zhanara0890@mail.ru

Қазақстан қоғамындағы ислам бірегейлігі: тарихи сабақтастықтың мәдени-контексттері

Бұл мақалада қоғамдық сананың дамуын және қазақстандық қоғамның болашағының бейнесін қалыптастыруды анықтайтын элементтердің бірі ретінде ислам бірегейлігінің маңыздылығы қарастырылады. Мақаланың мақсаты – қазіргі қазақстандық қоғамда көзқарастар мен құндылықтардың қалыптасуына ықпал ететін исламдық бірегейліктің аксиологиялық мазмұнын зерттеу. Осы орайда, исламдық бірегейліктің түркілік мәдени-коммуникативтік кеңістікте қалыптасу ерекшеліктері, елдегі исламдық жаңғырудың тарихи-мәдени контексті, сондай-ақ исламдық интеллектуализм аясында дамып келе жатқан девестернизация дискурсының ерекшеліктері өзектендірілді. Қазақстан қоғамында өміршең исламдық бірегейлік моделін әзірлеудің практикалық маңыздылығы зерттеу нәтижелерінің отандық гуманитарлық дискурстың дамуына және рухани қауіпсіздік тұжырымдамасын қалыптастыруға қосатын үлесімен түсіндіріледі. Зерттеуде жалпы философиялық әдістермен қатар, тарихи реконструкция әдісі қолданылды. Зерттеу нәтижесінде авторлар Қазақстандағы исламдық бірегейліктің тарихи және мәдени түрде шартталған синкреттік сипаты елдегі әртүрлі этноконфессиялық топтардың толерантты үндестікте өмір сүру қажеттіліктеріне жауап береді деген тұжырымға келді. Зерттеу нәтижелерінің негізгі тұжырымдарының бірі – қазақстандық исламдық бірегейлікті исламның рухани рөлін және оның саяси бейтараптығын үйлестіретін құбылыс ретінде түсіну. Жүргізілген зерттеудің құндылығы оның нәтижелері бойынша әзірленген исламның этноконфессиялық келісімді, әлеуметтік бірлікті, қоғамның тұтастығын нығайтудағы және мәдени әралуандықты сақтаудағы рөліне қатысты бірқатар практикалық ұсынымдарда көрініс табады. Бұл ұсынымдар зерттеу жұмысының практикалық маңызын айқындайды.

Түйін сөздер: Қазақстандағы исламдық бірегейлік, исламдық жаңғыру, Қазақстандағы сопылық, болашақ қоғам бейнесі, батыссыздандыру теориясы.

Введение

Исламская идентичность в современном Казахстане представляет собой важный аспект, который оказывает влияние на формирование образа будущего общества. Казахстан, являясь многоконфессиональной и многонациональной страной, на протяжении своей истории сталкивался с вызовами интеграции различных культур и религий, что в свою очередь оказывало воздействие на развитие национальной идентичности. В последние десятилетия, в условиях глобализационных процессов и роста религиозной самоидентификации, ислам стал ключевым фактором, формирующим не только индивидуальную, но и коллективную идентичность казахстанцев.

Обоснование выбора темы и цели и задачи

Актуальность изучения исламской идентичности в казахстанском обществе определя-

ется особенностями социальной, культурной и политической динамики страны в условиях постсоветского периода, благоприятных для исламского возрождения в стране. В последние десятилетия исламская идентичность переживает трансформацию, которая отражает как внутренние изменения в обществе, так и влияние внешних факторов, таких как глобализация, рост исламского фундаментализма в мире, а также процесс модернизации и стремление к социальной гармонии. В условиях глобальных изменений и мультикультурализма важность исламской идентичности заключается в поддержании культурного разнообразия, национального единства и социальной сплоченности. Ислам в Казахстане не только отражает религиозную практику, но и является мощным фактором формирования моральных и этических норм, общественных ценностей и социальной стабильности. В то же время, в свете растущих глобальных вызовов, таких как религиозный экстремизм, информаци-

онные войны и давление со стороны международных политических и экономических центров, понимание специфики исламской идентичности становится особенно важным для выстраивания гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений, а также для укрепления национальной безопасности.

Объектом исследования выступает исламская идентичность в Казахстане, предметом – образ будущего казахстанского общества, в котором принимает участие формирующаяся здесь уникальная модель исламской идентичности.

Цель исследования определена как изучение ценностного наполнения исламской идентичности, которое оказывает влияние на аксиологические ориентиры современного казахстанского общества. Цель статьи предполагает решение следующих исследовательских задач:

- проанализировать культурно-коммуникативный бэкграунд тюркского пространства, в который были встроены исламские аксиологические ориентиры;
- ретроспективно рассмотреть роль политики советской власти в формировании особенностей исламской идентичности на территории нашей страны с позиции комплиментарности, нежели с позиции оппозиционности;
- определить источник жизнеспособности суфийской духовной традиции в период культурно-политической турбулентности;
- изучить исламскую идентичность в казахстанском обществе через призму различных теорий идентичности;
- проанализировать религиозное возрождение в стране с позиции процессов дестернизации, имеющей различные прочтения в современном исламоведческом дискурсе;
- сформулировать на основе проведенного анализа рекомендации для дальнейшей популяризации толерантности в этноконфессиональном взаимодействии, укрепления национальной и духовной безопасности.

Значимость исследования продиктована практической его ориентированностью, нашедшей выражение в составлении конкретных рекомендаций в сфере исламской идентичности.

Обзор литературы

В дискурсе исламской идентичности в Казахстане внимание исследователей привлекают следующие аспекты: соотношение религиозной и национальной идентичности, понятие национальной идентичности (является ли она

казахской или казахстанской), исламизация и радикализация религиозного сознания, соотношение светскости и религиозности в казахстанском обществе, сохранение аутентичности национальной традиции, история распространения ислама и степень влияния отдельных событий и факторов на уровень религиозности населения, вписываемость исламских ценностей в традиционную картину мира казахстанского сообщества (Bektenova, Toktarbekova, 2019: 132-135).

Настоящее исследование опирается на корпус фундаментальной и современной литературы, посвященной изучению различных сторон и аспектов исламской идентичности. Авторами были приняты во внимание наработки как в отечественном гуманитарном дискурсе, так и в зарубежном, которые нашли выражение в многочисленных работах последних десятилетий за авторством различных исследователей. Различные стороны казахстанской национальной идентичности были рассмотрены Р. Кадыржановым (Кадыржанов, 2014), Е.Е. Буровой (Бурова, 2011), Е.Н. Чермухамбетовым и Н.А. Абдрахмановой (Чермухамбетов Е.Н., Абдрахманова, 2018) и другими. Аспекты исламской идентичности в Казахстане отражены в работах Н.Л. Сейтахметовой (Сейтахметова, 2015), М.К. Бектеновой и Л.Н. Токтарбековой (Bektenova, Toktarbekova).

Советская политика в отношении религии на территории Казахстана рассматривалась в трудах М.В. Кашыкчы (Кашыкчы, 2019), А.А. Мустафаевой (Мустафаева, 2012), А.А. Айталы (Айталы, 2020).

Кроме того, были приняты во внимание современные интерпретации исламской идентичности, нашедшие выражение в трудах мусульманских интеллектуалов: З. Сардара (Sardar, 2011), Х. Исмаили (Ismaili, 2006), Р. Дега-ни (Dehghani, 2018), С. Сикки (Sikka, 2021), М.З. Мохамеда и др. (Mohamad et al., 2020), Н.Ф.М. Нонга (Nong, 2022) и других.

Методология научного исследования

Исследование было инспирировано гипотезой о существовании в казахстанском обществе собственной модели исламской идентичности, детерминированной синкретичным, и в то же время целостным характером его этноконфессионального состава. Уникальность историко-культурного процесса, доказавшего состоятельность толерантности как национальной концепции общественного развития, стала

отправной точкой выбора темы настоящего исследования.

Методология настоящего исследования опирается на общеполитические методы, направленные на глубинную разработку проблемы исламской идентичности, методы систематизации и классификации информации, а также на метод исторической реконструкции, использование которого было продуктивным при исследовании вопроса о положении исламской религии в тюркский и советский периоды отечественной истории.

Встроенность исламской идентичности в Тюркское культурно-коммуникативное пространство

Вопрос об идентичности является одним из тревожащих: ответ на него определяет поведение человека в социуме, его мироощущение, образ жизни и мысли. Разнообразие идентичностей объясняется в исламе следующим аятом: «...О люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга» (Коран, 49:13). Коммуникативные, политические, психологические, культурные и другие аспекты социальной жизни, затрагиваемые идентичностью, оказывают решающее влияние на качество жизни общества, модели взаимодействия – как интернального, так и экстернального.

Обратимся к семантическому анализу понятия исламской идентичности. Так, аль-Фараби понимал под идентичностью вещи – «хуйя» – ее специфичность, индивидуальность, уникальность. В арабском языке этот термин звучит как «аль-хуйя аль-исламийа». Трехконсонантный корень глагола «с-л-м» («салима») означающий 1) быть благополучным, целым; 2) спастись; 3) быть свободным, здесь употреблен в четвертой породе – «аслама», имеющей следующие значения: 1) окреститься; 2) принимать ислам, быть мусульманином. Лингвистическое значение понятия «исламский» сводится к подчинению и покорности перед Богом, послушанию и согласию с Его волей. Исламская идентичность, иными словами, представляет собой устойчивую характеристику всех сфер жизни мусульманской уммы, отличающую ее от других обществ (Obead, Ali, 2023: 590-591).

Ввиду наложения исламской доктрины на культурно-коммуникативный бэкграунд тюркского пространства ислам в Центрально-Азиатском регионе вообще и в Казахстане в частности существует в нескольких формах. Большая часть

населения исповедует Ханафитский мазхаб суннитского ислама, остальные носители исламской идентичности являются приверженцами суфизма и «популярного/народного ислама». Значение суфизма для региона трудно переоценить: именно духовные и аксиологические ориентиры суфиев раскрыли нравственно-этический смысл исламской религии в тюркской среде, в особенности – номадической (Pahl, 2012: 3).

На территории Казахстана наибольшее распространение получил суфизм тарика Ясавийа, основоположником которого является просветитель Ходжа Ахмед Ясави. Некоторые исследователи связывают этот орден с явлением народного ислама, поскольку суфизм Ясави характеризуется мягкой формой с особым вниманием к содержательной части принимающей культуры, что обуславливает умеренную форму исламизации населения без категоричного негативизма существовавших до ислама этно-конфессиональных аксиологических ориентиров (Кныш, 2004: 17).

Специфической чертой казахстанского суфизма, обеспечившей ему жизнестойкость, выступает вписываемость установок тарика Ясавийа в практику повседневной жизни со знакомыми, привычными аутентичными культурными паттернами поведения и мышления. Эта характеристика способствовала идеологическому нейтралитету и умеренности перед лицом советской атеистической риторики и практики. Сохранение опытного базиса казахстанского суфизма, выражаясь терминологией исследователя суфизма Б. Привратского, без глубокого погружения в эзотерику, метафизику суфийского дискурса и одновременно без строгой институционализации, стал основой хабиитуализации суфизма с его культом святых этнокультурными представителями казахов о почитании памяти предков. Это нашло выражение в форме народного целительства, паломничества к местам захоронения, религиозного поведения в местах культа – всего, что сегодня составляет культурную память казахского народа (Privratsky, 2001: 187-189).

Наконец, третьим вариантом исповедания ислама выступает, как было сказано ранее, так называемый «народный» или «популярный» ислам, который, согласно мнению Гунна, не столько противоречит исламу, изучаемому в заведениях религиозного образования (медресе) или идеям суфизма, сколько ограничивается паломничеством к святыням (мазарам, храмам) и усваивается, скорее, в процессе воспитания и бытового общения, нежели непосредственного

изучения исламской доктрины (Gunn, 2003: 390). Такая гетерогенность в религиозной практике обусловлена атеистической политикой властей Советского Союза, проводимой в странах региона. Однако, децентрализованные очаги ислама, сохранившиеся в таком историческом контексте, способствовали ревитализации исламской идентичности, пусть и сопряженной с вариативностью религиозной практики. Несмотря на попытки, предпринимаемые советскими властями, по ликвидации религиозного сознания в пользу индустриально ориентированного атеистического мировоззрения, ислам оказался жизнеспособен благодаря встроенности в культурный код и наследие, детерминируя не только религиозную, но и национальную (этническую) идентичность.

Как замечают исследователи, ислам имеет много черт, роднящих его с коммунистической идеологией. Несмотря на различия в социальном устройстве, принципы являются общими в обеих мировоззренческих системах. В частности, речь идет о принципе равенства, характерном как для ислама, так и для коммунизма. Более того, как замечает Дж. Паль [Pahl, 2012: 5], различные аспекты авраамических религий в той или иной степени носят коммунистический характер. Подобно христианской заповеди о любви и щедрости к ближнему, отражающей коммунистические ценности, ислам также поощряет проявление щедрости в виде закята, по сути являющегося формой перераспределения богатства. Однако другие столпы ислама, в силу расхождения их с целями коммунистического режима, отвергались советской властью. Шахада, пятикратная молитва, пост, паломничество, равно как и семейная традиционность вызывали беспокойство советских властей ввиду нацеленности последних на равноправное участие женщин в индустриальном строительстве. Эта обеспокоенность выразилась в форме контроля над отравлением культа посредством законодательных мер в отношении религии и хабитуализации соответствующих институтов, продвижения лишь определенных вариантов «официального ислама», предупреждение деятельности исламистов. На деле, перечисленные меры используются в более умеренном, толерантном в отношении религии в прочтении светских государств Центральной Азии (Pahl, 2012: 6-8). Кроме того, полное искоренение религии из сознания народов региона было не только невозможно, но и невыгодно власти; этим объясняется попытка создания «советской» версии ислама – идентичности, предполагающей ослабление религиоз-

ной догматики, но усиление государства (Olcott, 1982: 488-489).

Заккрытие заведений религиозного образования – медресе и мактаб – и замена их на школы светского характера, а также контроль за численностью мечетей обусловило формирование двух вариантов ислама в различных уголках Центрально-Азиатского региона: «официального» и «параллельного». В то время как первый из названных вариантов существовал под началом созданных с целью контроля над религиозностью муфтиятов, второй выражался в распространении практики религиозного домашнего образования, способствовавшего сохранению образовательных образцов ислама и, более того, интенсификации религиозной традиции в среде молодежи (Pahl, 2012: 11).

Исследователи истории религии в Центральной Азии констатируют, что политическая история ислама в регионе характеризуется различными этапами функционирования и роли этой религиозной традиции: регулятивная роль ислама как социо-образующего компонента общественной жизни в Средние века; период попыток со стороны власти к нивелированию значения религии в образе жизни и мысли носителей исламской идентичности в советский период истории; возвращение ислама на философскую, мировоззренческую и духовную авансцену в реалиях светского государства начиная с обретения независимости в регионе (Kalanov, Alonso, 2008: 174).

В то время, как в мировой практике проблема социальной нестабильности, ассоциированная с исламизмом и религиозным экстремизмом, возникает в связи с социальным недовольством на фоне диктаторских политических культур и режимов, в странах Центрально-Азиатского региона ислам вовлечен не столько в политический процесс, сколько в процесс реставрации и интерпретации культурной традиции. Этим, собственно, объясняется относительная религиозная и политическая стабильность.

Историческая вовлеченность ислама в культурную традицию, в частности, естественность встраивания ислама в последнюю объясняется существованием и распространением в сознании носителей тюркской идентичности представлений о богоизбранных и святых людях и практики паломничества к их захоронениям. Иными словами, имел место обоюдный процесс «локализации» ислама и исламизации локальных традиций, обеспечивавший «мягкое» вхождение и хабитуализацию исламской религии в местную

духовную традицию (Kalanov, Alonso, 2008: 175).

Ретроспективный взгляд на казахстанскую модель исламской идентичности с позиции теории идентичности

Обратимся к ретроспективному рассмотрению исламской, в частности, суфийской, практики в советский период отечественной истории.

Как отмечает Э. Тасар, после 1920-1930-х годов, когда отношение советской власти к религии нормализовалось, мусульманские сообщества в Центральной Азии формировались вокруг религиозных авторитетных фигур. Руководство орденом осуществлялось на наследственной основе, что было удобно в контексте взаимодействия религиозных сообществ с органами советской власти, характеризующейся в послевоенное время умеренной позицией в сфере религии. Новая тенденция, заключающаяся в выполнении суфийскими орденами роли не только религиозного института, но и социально-политического, обеспечивала жизнестойкость этих религиозных сообществ, продемонстрировав их интегративный адаптивный, диалогический потенциал (Tasar, 2018: 265). В отличие от Беннигсена, рассматривавшего суфизм в контексте доминирования в регионе советской власти и риторики, и, следовательно, в канве враждебных для ислама условий, Тасар приходит к выводу о более консенсусных взаимоотношениях между суфийскими орденами и органами государственной власти. Суфийские сообщества представляли собой, по мнению Тасара, не столько строго иерархизированные организации, сколько сообщества, объединенные по признаку веры и имеющие свои места культа и паломничества. О последних, к слову, были осведомлены советские государственные органы. Автор приходит к выводу о наличии определенной свободы действий религиозных деятелей в Центрально-Азиатском пространстве, вопреки сложившемуся представлению о стабильном притеснении и гонениях в их отношении со стороны органов советской власти. Иначе говоря, тот факт, что суфийские семьи были представлены не только в сакральном поле, но и в бюрократическом аппарате, свидетельствует о неоднозначности, полиморфности, многообразии государственно-религиозных отношений.

Более того, по свидетельствам научной литературы, власти выбрали семью Бобохоновых, которая вела происхождение от отцов ордена Накшбандийа, для назначения ее во главе ин-

ституционализированного муфтията – единственного в Центрально-Азиатском регионе. Тасар также приводит данные о строительстве и дальнейшем финансировании советской властью курортной зоны «Джалал Абад» (на территории современной Киргизии) близ сакрального водного источника, популярного у советских граждан благодаря целебным свойствам. Помимо названного курорта известным местом среди мусульманского населения Центральной Азии выступала в середине прошлого века гора Соломона в городе Ош, посещение которой также не встречало сопротивления со стороны властей (Бигожин, 2019). Об этом свидетельствовал в начале нового тысячелетия Бахтияр Бабаджанов, идентифицируя орден как Накшбанди-Муджаддиди-Хуссейни, преемственный шейху ‘Абд аль-Уахиду Мамадшухурову (1885-1967).

Жизнестойкость суфийской практики в Казахстане, проявившуюся в советский период истории, констатирует также отечественный исследователь А. Муминов, основываясь на факте преемственности истории суфийского братства в селе Кусшы-Ата Туркестанской области. Сохранившееся суфийское наследие позволило не утратить исламскую идентичность в Казахстане (Muminov, 2018: 284-285).

Обращение к теме суфизма Ясавийа является важным для понимания исламской и национальной идентичности в казахстанских реалиях, отличающихся органичным сочетанием духовности (в том числе суфийской) и приверженности светским ценностям.

С позиции теории коллективного поведения, предполагающей формирование коллективного действия как адаптивного механизма в ответ на исторически и индивидуально значимые потрясения, возвращение к исламу как альтернативе идеологическому вакууму, образовавшемуся с распадом СССР, выступило актом коллективного поведения.

С точки зрения теории культурной идентичности ислам в Казахстане выступает как сакральное наследие, легитимизированное после эпохи советского забвения. Подобно тому, как культура становится источником идентичности в течение нескольких поколений, казахстанский ислам, вплетенный в досоветский образ жизни, стал источником устойчивой коллективной памяти, концентрирующим и впоследствии высвобождающим культурную идентичность казахов.

Теория мобилизации ресурсов, с позиций которой коллективное поведение требует материальных, духовных, институциональных, идеоло-

гических ресурсов, объясняет роль религиозных организаций (как официальных, так и неофициальных), объединивших свои усилия по поиску ответов на популяризацию исламских институтов. Последняя имеет место ввиду возрастания значимости и, соответственно, демонстрации исламской идентичности, распространившейся из сферы личностной на социальную, о чем свидетельствует хабиутализация таких понятий как «халал» (концепт разрешенного в исламе), «намаз» (пятикратная ежедневная молитва – «сала»), «ораза» (религиозный пост – «саум»), «жума» (пятничная молитва в мечети – «аль-джум'а») и других (Malik, 2019: 66-70).

Несмотря на официальное отсутствие религиозной составляющей в политическом устройстве Казахстана, в особенности, электоральном процессе, по мнению Б.А. Малика, было бы упрощением утверждать о том, что ислам не оказывает влияния на политический дискурс. Это объясняется участием так называемого «официального ислама» в процессе нациестроительства и формирования национальной идентичности – процессах политических по определению.

С позиций теории этно-символизма, роль ислама в процессах нациестроительства и формирования идентичности сводится к «коллективному имени» нации, отличающему ее от остальных. В этом смысле исламская риторика и символика концептуализируются в связи с ценностями, морально-этическими ориентирами и традициями, детерминированными общностью истории и коллективной памяти проживающих на территории Казахстана народов (Malik, 2019: 77-78).

Исламская идентичность в дискурсе де-вестернизации

Говоря об исламской идентичности в общемировом разрезе, исследователи отмечают релевантность дискурса противостояния ее идентичности западной цивилизации. Этот контекст, в свою очередь, инициирует проблематизацию вестернизации идентичности как в исламском интеллектуальном дискурсе, так и в других (Obead, Ali, 2023: 589-590).

Позитивные трансформации традиционно связывают с Западом: современная наука раскрывает загадки природы – как на Земле, так и в космосе, преодоление тираний посредством либеральных демократий; повышение уровня жизни благодаря экономическому росту; светский гуманизм отождествляется с передовой этикой. Исламский же Мир находится в поиске способов

процветания в эпоху современности; исламская идентичность должна преодолеть барьер стереотипов, ассоциирующих традиционные общества с отсталостью. Сложность здесь заключается в следующих неоднозначных аспектах развития Арабо-Исламского Мира: эксплуатация природных ресурсов и, как следствие, экологические бедствия; политическая история, связанная с внешним колониализмом и обусловленной им внутренней диктатурой; экономический дисбаланс и односекторная экономика, работающая в пользу вестернизированной элиты; ислам, выступавший источником интеллектуального развития, подвергался нападкам и обвинениям в отсталости и традиционности общества, политизации религии, фундаментализации сознания (Obiedat, 2019: 331-332).

Концептуализацию де-вестернизации предваряет анализ процесса производства мирового знания. Сдвиг эпистемологической парадигмы от европоцентризма требует интеграции идей, усилий и знаний, формировавшихся в длительном культурно-историческом процессе развития не-западных стран. Де-вестернизация представляется важной в контексте преодоления постколониальных тенденций развития мирового гуманитарного знания, в результате которых происходила маргинализация не-западных, а в частности, исламских, обществ. Универсализация концепций гуманитаристики и социально-политического дискурса, возникших в определенных условиях, не отражает реальность, ориентированную на этно-социальные контексты бывших метрополий. Завершение колониальной эпохи ознаменовалось необходимостью эмансипации и интеграции знаний о собственных обществах и моделях идентичности. Понятие де-вестернизации, изучаемое в контексте феномена исламской идентичности, требует концептуализации ввиду его апеллирования как к современным процессам конструирования социальной идентичности не-западных стран, так и критического осмысления через призму этого понятия прошлого каждой нации.

Де-вестернизация является продолжающимся процессом, разворачивающимся во времени, и в силу этого, неоднозначным и имеющим множество коннотаций. Одним из прочтений понятия де-вестернизации выступает акт культурной защиты от империалистского влияния в академической среде, нацеленный на децентрализацию аналитической перспективы и диверсификацию понимания современности. Последняя, в частности, по убеждению исследователей, не

должна не должна отражать только западные эпистемологическую модель, образ познания и когнитивные установки (Gluck, 2015: 2). Теория де-вестернизации, однако, сталкивается с критикой несмотря на такие ее мотивы как анти-империализм и культурная деколонизация. Эта критика связана, в первую очередь, с пониманием исламского происхождения идей «западного» Просвещения.

Признание решающей роли исламских учений в развитии философского и других направлений знания отменяет необходимость развития дискурса де-вестернизации знания. Кроме того, следует признать ликвидность западных эпистемологических моделей ввиду их базовой способности обеспечить исследователю глубокое понимание категорий не-западного понятийного аппарата (Gluck, 2015: 4).

Современные мусульманские интеллектуалы находятся в поиске решения противоречий, существующих в подходах к исследованию и формированию исламской идентичности, и предпринимают попытки преодоления факторов, усложняющих исламское возрождение.

Критическое осмысление религиозного формализма, практическим воплощением которого стал фикх, а также метафизических изысканий, получивших теоретическую разработку в рамках калама, способствовало появлению и росту движения исламского возрождения. В ответ на усиление формализма, выполняющего в обществе роль регулятора социального поведения, интенсифицировалось распространение идей и практик суфизма. Ретроспективный взгляд на суфизм позволяет выделить, помимо аскетизма, также эмоционально-личностную ориентацию, креативное, а подчас, еретическое, начало. В то же самое время суфизм стал созидательной площадкой для гуманистов благодаря поэтическому и нарративному дискурсу. Осмысление политизируемой религиозной идеологии и оформление исламского сознания в суфийские практики явилось прецедентом популяризации маргинальных духовных идей и практик (Obiedat, 2019: 343).

Безусловно, социальная идентичность формируется, по большому счету, благодаря, или, как минимум, с участием формализма и унификации норм. Однако, суфизм (исламский мистицизм) также детерминирован основами исламской идентичности, являющейся формой социальной идентичности, детерминированной социальным формализмом. Мистицизм возник в ответ на попытки унификации сознания и упорядочения образа мышления в рамках фикха,

отвечающего за практическое воплощение норм шари'а и калама, отражающего метафизические представления Исламского Мира средних веков. В то же время, эмоциональная, этико-эстетическая и интеллектуальная направленность суфийских духовности и практики, объясняется реакционностью исламского мистицизма на унификацию условий и религиозной практики. Нарративный дискурс суфизма стал отправной точкой для изысканий многих адибов-гуманистов, вплоть до позднего Средневековья. Далее суфийский адаб обнаружил духовно-интеллектуальную преемственность в колониальную эпоху и Новое время, воплотившись в движение возрождения исламского сознания (Obiedat, 2019: 338).

Одним из вариантов движения исламского возрождения, как было сказано ранее, выступает суфийская практика, возникшая как ответ на формализацию исламской традиции. Подобная практика имела место и на территории Казахстана, где был концептуализирован суфийский орден Ясавийа, позволивший сохранить этнокультурную идентичность казахов в период подданства Российской Империи и бытность в составе Советского Союза. Особенно ошутимое воздействие на исламскую религиозную практику связывается в академических кругах с советским периодом отечественной истории.

Результаты и обсуждение

Принимая во внимание сказанное, предполагаем, что широкая исламизация сознания и так называемое исламское возрождение, признаки которого наблюдаются в постсоветских странах, в частности, в Казахстане, в качестве одной из причин имеет стремление к деколонизации сознания и преодолению империалистического дискурса. Подобные мотивы, как было сказано ранее, как раз и вызвали к жизни дискурс де-вестернизации и поиск альтернатив. Преодоление дискурса негативизма принятых ранее моделей – эпистемологических, коммуникативных и других – как и поиск их альтернатив, требует времени. В казахстанском обществе, обретшем независимость чуть более 30 лет назад, исламская идентичность находится на стадии формирования. В этом процессе необходимо отслеживать появление крайностей в мотивах и проявлениях. Экологичность процесса формирования исламской идентичности предполагает свободу данного процесса от влияния интернальных (страх утери национальной культурной

идентичности, попытки преодоления прошлой, навязанной идентичности) и экстерналиных (лояльность культуре Исламского Мира, противостояние возможной культурной интервенции Запада, предупреждение империалистских действий в адрес нашей страны и пр.) факторов.

Внешние факторы: религиозная жизнь общества, социокультурные трансформации, включение мусульман в процесс глобальной социализации – оказывают влияние на религиозное мировоззрение мусульманской уммы, способы и интенсивность демонстрации исламской идентичности. Полиэтническое общество помещает исламскую идентичность в условия комплиментарности с другими уровнями идентичности (этнической, гражданской, национальной, гендерной, по социальному статусу, профессиональной, возрастной и прочими). Исламская идентичность в этом контексте предполагает взаимодействие ее носителей с представителями других ведущих идентичностей в соответствии с действующими социальными нормами и ожиданиями, политическими институтами, но также и с этическими ориентирами исламской религии. Сохранение исламской идентичности требует устойчивых взаимоотношений с религиозными учреждениями (посещение мечетей, взаимодействие с Духовным управлением мусульман) и с другими конфессиональными группами, соблюдения обязательных устоев ритуальной жизни и основных этических констант, закрепленных нормативно (Zuriet, Lyausheva, 2019: 4). Этому должна способствовать идея «просвещенного ислама», подчеркиваемая президентом страны К.К. Токаевым, в силу ее онтологической связи с ценностями познания и разума, характерными для исламского мировоззрения (Сатаева, 2018).

Заключение и выводы

Ответом на распространение элементов крайних форм религиозного мировоззрения, которое расходится со светскими идеологическими ориентирами, является изучение догматических основ ханафитского мазхаба и дальнейшее формирование модели исламской идентичности, основывающееся на этнокультурных ценностях, преемственное истории и сопоставимое с ориентирами для будущего развития всех сфер поликонфессионального, мультиэтнического, поликультурного казахстанского общества. Кроме того, целесообразным видится возрождение этического и аксиологического наполнения суфизма.

Уникальность казахстанской модели исламской идентичности заключается в продиктованном социально-историческим контекстом сочетании признания культурного и духовного значения ислама в Казахстане, выступающего основой морально-этического комплекса казахстанского общества, со строгой аполитичностью ислама, детерминированной светской ориентацией политико-административного аппарата ввиду мультиэтничности и поликонфессиональности отечественного социума. Такая амбивалентность исламской идентичности в Казахстане вызвана объективной многонациональной средой, выступающей главной ценностью общества и важным фактором, обуславливающим траекторию формирования казахстанской модели исламской идентичности.

В качестве рекомендаций по итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие пункты. Во-первых, необходимым представляется дальнейшее изучение форм так называемого «неофициального ислама», чтобы предупредить маргинализацию и радикализацию религиозных групп, не ассоциирующих себя с ханафитским мазхабом суннитского ислама. Глубокое погружение в идеологические концепции существующих в Казахстане исламских меньшинств может быть нацелено на «приведение их к общему знаменателю» с «официальным исламом» – исламскими ценностями. Во-вторых, необходимо развивать концептуальную базу казахстанской модели исламской идентичности, основывающейся на исторически детерминированном участии ислама в формировании коллективной памяти и идентичности казахстанского народа и потому составляющей важную часть национального культурного наследия. Исламские духовные ценности, модели знания и этические константы могут быть призваны для социальной консолидации, популяризации в общественном сознании толерантного межконфессионального и межэтнического взаимодействия, укрепления национальной безопасности и социально-политической стабильности, успешного нациестроительства.

Благодарность и конфликт интересов

Данная статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта ИРН AP19174762 «Исламская идентичность в реалиях Казахстана: проблемы межконфессионального диалога и консолидации».

Литература

- Bektenova, M.K., Toktarbekova, L.N. (2019). Islamic Identity in the context of national culture. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science*, 2(68), 129-136. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2019.v68.i2.014>
- Dehghani, R. (2018). The Role and Impact of Islamic Identity in the Process of Nation-State Building in Iran and Turkey. *Revista Publicando*, 15(2), 1537-1558.
- Gluck, A. (2015). De-Westernisation. Key concept paper. – University of Leeds: Media Conflict and Democratisation – 32. <http://eprints.whiterose.ac.uk/117297/>
- Gunn, T.J. (2003). Shaping an Islamic Identity: Religion, Islamism, and the State in Central Asia. *Sociology of Religion*, 63(3), 389-410.
- Ismaili, H. (2006). Cultural Solidarity, Islamic Identity and Ummah. *Journal of Religion and Communication*, 16:1(2), 8.
- Kalanov, K., Alonso, A. (2008). Sacred places and “folk” Islam in Central Asia. *UNISCI Discussion Papers*, 17, 173-185.
- Malik, B.A. (2019). Islam in Post-Soviet Kazakhstan: experiencing the public revival of Islam through institutionalization. *Islam and civilizational renewal*, IAIS Malaysia, 10(1), 64-84. <https://doi.org/10.52282/icr.v10i1.72>
- Mohamad, M.Z., Salleh, A.Z., Hasan, A.F., Yusof, S., Deris, M.F. H.M., & Jamsari, E.A. (2020). Personal identity from an Islamic perspective. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 10(10), 199-207. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v10-i10/7932>
- Muminov, A. (2018). ‘Sufi Groups in Contemporary Kazakhstan: Competition and Connections with Kazakh Islamic Society’. In: *Sufism in Central Asia: New Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries*. Eds. Devin DeWeese and Jo-Ann Gross. – Brill. – 284-298.
- Nong, N.F.M. (2022). Relationship between Islamic Identity, Spirituality and Religiosity in Social Identification. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 12(6), 1232-1243. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v12-i6/13915>
- Obead, H.H., Ali, S. (2023). Islamic Identity in the Light of Contemporary Intellectual Challenges. *Journal for Educators, Teachers and Trainers*, 14(5), 588-602. DOI: 10.47750/jett.2023.14.05.052
- Obiedat, A.Z. (2019). Identity Contradictions in Islamic Awakening: Harmonising Intellectual Spheres of Identity. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 13(3), 331-350. <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1630575>
- Olcott, M.B. (1982). Soviet Islam and World Revolution. *World Politics*, 34(4), 487-504.
- Pahl, J. (2012). Islam in Central Asia: a Religion and a Heritage. Young Historians Conference. https://pdxscholar.library.pdx.edu/young_historians/2012/oralpres/3 (дата обращения 10.12.2024)
- Privratsky, B.G. (2001). Muslim Turkistan. Kazakh Religion and Collective Memory. – Richmond Surrey: Curzon Press. – 321.
- Sardar Z. (2011). A Garden of Identities: Multiple Selves and other Futures. – 2011. www.ziauddinsardar.com 29.08.2023 (дата обращения: 25.10.2024)
- Sikka, S. (2021). ‘Pluralism About What? Religion as Belief and Identity’. In: *Re-thinking Religions Pluralism*, Eds. Puri B., Kumar A. – Singapore: Springer. – 3-19. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9540-0_1
- Tasar, E. (2018). ‘Sufism on the Soviet Stage: Holy People and Places in Central Asia’s Socio-Political Landscape after World War II’. In: *Sufism in Central Asia: New Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries*. Eds. Devin DeWeese and Jo-Ann Gross. – Brill. – 256-283. doi:10.1163/9789004373075_010
- Zuriet, J., Lyaushcheva, S. (2019). Muslim Identity in the conceptual field of modern Religions Studies. *SHS Web of Conferences*, 72(4), 1-6. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197202008>
- Айталы, А.А. (2020). Традиционный казахский ислам и советский атеизм. *Социально-гуманитарные знания*, 5, 267–277. DOI 10.34823/SGZ.2020.5.51458
- Бигожин, У. (2019). Суфизм в советский период: Святые люди и святы места в поствоенном социополитическом пространстве Центральной Азии. <https://www.Caa-network.org/archives/14731> (дата обращения: 27.02.2025)
- Бурова, Е.Е. (2011). Казахстан: феномен «навязанной» идентичности. *Центральная Азия и Кавказ*, 14(3), 73-89.
- Кадыржанов, Р. (2014). Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК. – 168.
- Кашыкчы, М.В. О национальной строительстве и советском казахском национализме. Интервью 03.11.2019. <https://www.caa-network.org/archives/18487> (дата обращения 10.12.2024)
- Кныш, А.Д. (2004). Мусульманский мистицизм: краткая история. – Санкт-Петербург: Диля. – 464.
- Крачковский И.Ю. (1986). Коран. Перевод и комментарий И.Ю. Крачковского. Издание 2. – Москва: Наука. – 727.
- Мустафаева, А.А. (2012). Исторический обзор эволюции ислама в советском Казахстане. *Вестник КазНУ, Серия востоковедения*, 3(60), 31–35.
- Сатаева, А. (2018). «Мы хотим иметь просвещенный ислам». Токаев обратился к мусульманским ученым. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/myi-hotim-imet-prosveshchennyi-islam-tokaev-obratilsya-338950/ (дата обращения 17.10.2024).
- Сейтахметова, Н.Л., Бектенова, М.К. (2015). Роль ханафитской традиции в формировании исламской идентичности (казахстанский контекст). *Вестник Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Серия Философии, культурологии, политологии*, 1(50), 44-51.
- Чермухамбетов, Е.Н., Абдрахманова, Н.А. (2018). Этническая и культурно-конфессиональная идентичность мусульманской уммы Казахстана. *Вестник КазНМУ*. <https://articlekz.com/article/24583> (дата обращения 05.12.2024)

References

- Ajtaly, A.A. (2020). Tradicionnyj kazahskij islam i sovetskij ateizm [Traditional Kazakh Islam and Soviet Atheism]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 5, 267–277. (in Russian)
- Bektenova, M.K., Toktarbekova, L.N. (2019). Islamic Identity in the context of national culture. *Journal of Philosophy, Culture and Political Science*, 2(68), 129–136. <https://doi.org/10.26577/jpcp.2019.v68.i2.014>
- Bigozhin, U. (2019). Sufizm v sovetskij period: Svjatye ljudi i svjatye mesta v postvoennom sociopoliticheskom prostranstve Central'noj Azii [Sufism in the Soviet Period: Holy People and Holy Places in the Post-War Sociopolitical Space of Central Asia]. <https://www.Caa-network.org/archives/14731> (data obrashhenija 27.05.2023). (in Russian)
- Burova, E.E. (2011). Kazakhstan: fenomen «navjazannoj» identichnosti [Kazakhstan: the phenomenon of “imposed” identity]. *Central'naja Azija i Kavkaz*, 14(3), 73–89. (in Russian)
- Chermuhambetov, E.N., Abdrakhmanova, N.A. (2018). Jetnicheskaja i kul'turno-konfessional'naja identichnost' musul'manskoj ummy Kazahstana [Ethnic and cultural-confessional identity of the Muslim Ummah of Kazakhstan]. *Vestnik KazNMU*. <https://articlekz.com/article/24583> (data obrashhenija 05.12.2024). (in Russian)
- Dehghani, R. (2018). The Role and Impact of Islamic Identity in the Process of Nation-State Building in Iran and Turkey. *Revista Publicando*, 15(2), 1537–1558.
- Gluck, A. (2015). De-Westernisation. Key concept paper. – University of Leeds: Media Conflict and Democratisation. – 32. <http://eprints.whiterose.ac.uk/117297/>
- Gunn, T.J. (2003). Shaping an Islamic Identity: Religion, Islamism, and the State in Central Asia. *Sociology of Religion*, 63(3), 389–410.
- Ismaili, H. (2006). Cultural Solidarity, Islamic Identity and Ummah. *Journal of Religion and Communication*, 16:1(2), 8.
- Kadyrzhanov, R. (2014). Jetnokul'turnyj simbolizm i nacional'naja identichnost' Kazahstana [Ethnocultural symbolism and national identity of Kazakhstan]. – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedenija KN MON RK. – 168. (in Russian)
- Kalanov, K., Alonso, A. (2008). Sacred places and “folk” Islam in Central Asia. *UNISCI Discussion Papers*, 17, 173–185.
- Kashyky, M.V. O nacional'nom stroitel'stve i sovetskom kazahskom nacionalizme [On national construction and Soviet Kazakh nationalism]. *Interv'ju*. 03.11.2019. <https://www.caa-network.org/archives/18487> (data obrashhenija 10.12.2024). (in Russian)
- Knys, A.D. (2004). Musul'manskij misticizm: kratkaja istorija [Muslim Mysticism: A Brief History]. – Saint Petersburg: Dilya. – 464. (in Russian)
- Krakovskij I.Ju. (1986). Koran [Quran]. *Perevod i kommentarij I.Ju. Krakovskogo*. Izdaniye 2. [Translation and commentary by I.Yu. Krakovsky. 2nd edition]. – Moscow: Nauka. – 727. (in Russian)
- Malik, B.A. (2019). Islam in Post-Soviet Kazakhstan: experiencing the public revival of Islam through institutionalization. *Islam and civilizational renewal, LAIS Malaysia*, 10(1), 64–84. <https://doi.org/10.52282/icr.v10i1.72>
- Mohamad, M.Z., Salleh, A.Z., Hasan, A.F., Yusof, S., Deris, M.F. H.M., & Jamsari, E.A. (2020). Personal identity from an Islamic perspective. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 10(10), 199–207. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v10-i10/7932>
- Muminov, A. (2018). ‘Sufi Groups in Contemporary Kazakhstan: Competition and Connections with Kazakh Islamic Society’. In: *Sufism in Central Asia: New Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries*. Eds. Devin DeWeese and Jo-Ann Gross. – Brill. – 284–298.
- Mustafayeva, A.A. (2012). Istoricheskij obzor evoljucii islama v sovetskom Kazahstane [Historical overview of the evolution of Islam in Soviet Kazakhstan]. *Vestnik KazNU, Serija vostokovedenija*, 3(60), 31–35. (in Russian)
- Nong, N.F.M. (2022). Relationship between Islamic Identity, Spirituality and Religiosity in Social Identification. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*, 12(6), 1232–1243. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARBS/v12-i6/13915>
- Obead, H.H., Ali, S. (2023). Islamic Identity in the Light of Contemporary Intellectual Challenges. *Journal for Educators, Teachers and Trainers*, 14(5), 588–602. DOI: 10.47750/jett.2023.14.05.052
- Obiedat, A.Z. (2019). Identity Contradictions in Islamic Awakening: Harmonising Intellectual Spheres of Identity. *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 13(3), 331–350. <https://doi.org/10.1080/25765949.2019.1630575>
- Olcott, M.B. (1982). Soviet Islam and World Revolution. *World Politics*, 34(4), 487–504.
- Pahl, J. (2012). Islam in Central Asia: a Religion and a Heritage. Young Historians Conference. https://pdxscholar.library.pdx.edu/young_historians/2012/oralpres/3 (data obrashhenija 10.12.2024)
- Privratsky, B.G. (2001). Muslim Turkistan. Kazakh Religion and Collective Memory. – Richmond Surrey: Curzon Press. – 321.
- Sardar, Z. (2011). A Garden of Identities: Multiple Selves and other Futures. – 2011. www.ziauddinardar.com 29.08.2023 (data obrashhenija 25.10.2024)
- Satayeva, A. (2018). «My hotim imet' prosveshennyj islam». Tokaev obratilsja k musul'manskim uchenym [“We want to have an enlightened Islam”. Tokaev addressed Muslim scholars]. https://tengrinews.kz/kazahstan_news/myi-hotim-imet-prosveshennyi-islam-tokaev-obratilsja-338950/ (data obrashhenija 17.10.2024). (in Russian)
- Seitakhmetova, N.L., Bektenova, M.K. (2015). Rol' hanafitskoj tradicii v formirovanii islamskoj identichnosti (kazahstanskij kontekst) [The Role of the Hanafi Tradition in the Formation of Islamic Identity (Kazakhstani Context)]. *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta imeni Al'-Farabi, Cerija filosofii, kul'turologii, politologii*, 1(50), 44–51. (in Russian)
- Sikka, S. (2021). ‘Pluralism About What? Religion as Belief and Identity’. In: *Re-thinking Religions Pluralism*, Eds. Puri B., Kumar A. – Singapore: Springer. – 3–19. https://doi.org/10.1007/978-981-15-9540-0_1

Tasar, E. (2018). 'Sufism on the Soviet Stage: Holy People and Places in Central Asia's Socio-Political Landscape after World War II'. In: *Sufism in Central Asia: New Perspectives on Sufi Traditions, 15th–21st Centuries*. Eds. Devin DeWeese and Jo-Ann Gross. – Brill. – 256–283. doi:10.1163/9789004373075_010

Zuriet, J., Lyausheva, S. (2019). Muslim Identity in the conceptual field of modern Religions Studies. *SHS Web of Conferences*, 72(4), 1-6. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197202008>

Сведения об авторах:

Турганбаева Жанара Жанатовна (автор-корреспондент) – PhD, старший научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (Алматы, Казахстан, e-mail: zhanara0890@mail.ru);

Сейтахметова Наталья Львовна – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук РК, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК (Алматы, Казахстан, e-mail: natalieseyt@mail.ru).

Авторлар туралы мәлімет:

Турганбаева Жанара Жанатовна (корреспондент-автор) – PhD, ҚР ҒҖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының аға ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан, e-mail: zhanara0890@mail.ru).

Сейтахметова Наталья Львовна – философия ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан Республикасының Ұлттық Ғылымдар Академиясының корреспондент-мүшесі, ҚР ҒҖБМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан, e-mail: natalieseyt@mail.ru).

Information about authors:

Turbanbayeva Zhanara Zhanatovna (corresponding author) – PhD, Senior Research Fellow of the Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of the MSHE of the RK (Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhanara0890@mail.ru).

Seitakhmetova Natalia Lvovna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Chief Researcher of the Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of the MSHE of the RK (Almaty, Kazakhstan, e-mail: natalieseyt@mail.ru).

Зарегистрировано 25 июня 2024 г.

Принято 20 сентября 2025 г.